

СОЦИОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТА

DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.12

Правильная ссылка на статью:

Дорофеева О. Е. Анон плз: анонимность и нормативность в публикациях о сексуальном насилии // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 235—252. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.12.

For citation:

Dorofeeva O. E. Anon pls: Anonymity and normativity in sexual abuse posts. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018. № 1. P. 235—252. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.12.

О. Е. Дорофеева

АНОН ПЛЗ: АНОНИМНОСТЬ И НОРМАТИВНОСТЬ В ПУБЛИКАЦИЯХ О СЕКСУАЛЬНОМ НАСИЛИИ

АНОН ПЛЗ: АНОНИМНОСТЬ И НОРМАТИВНОСТЬ В ПУБЛИКАЦИЯХ О СЕКСУАЛЬНОМ НАСИЛИИ

ANON PLS: ANONYMITY AND NORMATIVITY IN SEXUAL ABUSE POSTS

ДОРОФЕЕВА Оксана Евгеньевна — студент бакалавриата факультета социальных наук; стажер-исследователь Лаборатории экономико-социологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
E-MAIL: oadorofeeva@edu.hse.ru
ORCID: 0000-0003-4100-8394

*Oksana E. DOROFEEVA*¹ — Student, Research Assistant
E-MAIL: oadorofeeva@edu.hse.ru
ORCID: 0000-0003-4100-8394

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. В статье рассматривается соотношение между анонимностью и нормативностью на разных онлайн-площадках. Для анализа нормативности используется концепт accounts — речевые обороты, которые помогают

Abstract. The paper considers the relationship between anonymity and normativity on different websites. The ‘accounts’ concept (speech patterns which help the actor to explain personal or anyone else’s unsuitable conduct

актору объяснить свое или чужое неподобающее поведение в ситуации, которая будет подвергаться оцениванию.

В работе рассматриваются современные дискуссии об анонимности в интернете и предлагается рассмотреть континуум анонимности на кейсах проекта «Подслушано» и флешмоба #янебоюсьсказать. В «Подслушано» модераторы от лица сообщества публикуют анонимные истории пользователей, тогда как посты в рамках флешмоба #янебоюсьсказать публикуются на персональных страницах авторов. При этом в рамках флешмоба формируется нормативность, которая влияет на социальную приемлемость контента. Таким образом, в статье сопоставляются разные факторы, определяющие нормативность и социальную приемлемость контента на онлайн-площадках. Положение онлайн-площадки на континууме анонимности задает диапазон социальной приемлемости контента, который можно опубликовать на этой площадке, а также степень соответствия групповым нормам внутри онлайн-площадки.

Ключевые слова: анонимность, нормативность, accounts, «Подслушано», #янебоюсьсказать

in a situation under assessment) is used to analyze normativity. The author describes the modern discussion concerning anonymity on the Internet and gives an attempt to explore the anonymity continuum based on the cases of the «Podslushano» project and #yaneboyusskazat flash mob. The «Podslushano» community moderators publish anonymous stories of users on behalf of community while the #yaneboyusskazat posts are published on authors' personal web pages. At the same time, in the flash mob community normativity is formed which affects the social acceptability. So the study provides a comparison between various factors defining normativity and social acceptability. The position of the website on the anonymity continuum can set a range of social acceptability of content to be published on that website as well as the degree of conformity to the group norms of the website.

Keywords: anonymity, normativity, accounts, «Podslushano», #iamnotafraidtosayit

В июле 2016 г. в российском, украинском и белорусском сегменте Facebook проходил флешмоб #янебоюсьсказать (#янебоюсьсказати, #янебаюсясказаць), в рамках которого пользователи массово рассказывали о пережитом сексуальном насилии. Истории о подобном опыте в социальных сетях — явление не совсем новое: такого рода публикации достаточно распространены в сообществах, позволяющих анонимно поделиться этим опытом — таких, например, как «Подслушано», сервис, позволяющий анонимно публиковать свои истории и читать присланное другими пользователями.

Оба онлайн-пространства — флешмоб под хэштегом #янебоюсьсказать и «Подслушано» — содержат истории о сексуальном насилии и служат «сценами»

для отыгрывания идентичности жертвы сексуального насилия. Однако контексты появления историй о сексуальном насилии на двух этих площадках разные: флеш-моб #янебоюсьсказать носит активистский характер, тогда как «Подслушано» — в первую очередь развлекательный ресурс. Во-вторых, условия для публикации в рамках флешмоба и в «Подслушано» различаются степенью анонимности: посты в рамках флешмоба публиковались на персональных страницах в Facebook, в то время как истории в «Подслушано» публикуются от имени группы и не содержат указания на личность автора.

Мы обращаемся к теоретическому аппарату И. Гофмана, чтобы соотнести анонимность, идентичность и нормы, существующие на разных площадках.

По И. Гофману [Goffman, 1959], идентичность не является чем-то фиксированным — это роль, которая меняется в зависимости от аудитории и контекста. Анонимность возможна, если аудитория «сцены», где происходит социальное представление, отделена от остальных аудиторий — тогда представляемую на ней идентичность (например, жертвы сексуального насилия), нельзя будет связать с другой «сценой» и другой идентичностью (жены, начальника, преподавателя и т. д.). Частью контекста, в котором происходит социальное представление, являются нормы: феномен соотнесения поведения с нормой, социальным стандартом и оценивание одних поступков как хороших, желательных или хотя бы приемлемых, а других — как плохих, неподобающих, недопустимых на основе сравнения с этой нормой, представляет собой нормативность [Vicchieri, 2005; 2016], связь анонимности с которой пока неясна.

Какую роль играет степень анонимности онлайн-площадки в ее нормативности?

Основными концептами данной работы будут анонимность, нормативность и идентичность. Отдельный интерес для нас будет состоять в изучении их связи с устройством рассматриваемых онлайн-площадок — групповыми нормами внутри онлайн-пространств, их местом внутри интернет-пространства и т. д. Для анализа нормативности онлайн-площадок через публикации участников будет использоваться концепт accounts (объяснения) — объяснения актором своего или чужого непредвиденного или неподобающего поведения в ситуации, когда действие подвергается оцениванию, вне зависимости от того, чье это поведение (актера или других людей), и того, от кого исходит возможная причина этого объяснения: от самого актора или кого-то другого [Scott, Lyman 1968]. Этот концепт релевантен для анализа нормативности, поскольку наличие accounts показывает, что в ситуации есть что-то, что воспринимается как неподобающее, недопустимое, не соответствующее социальному стандарту — а также то, какое оправдание или объяснение должно помочь автору восстановить статус-кво, уменьшить расстояние между нормой, стандартом и реальностью.

Описание площадок

«Подслушано»

«Подслушано» — развлекательный проект, представляющий собой совокупность сайта, мобильного приложения и сообществ/страниц в социальных сетях

(«ВКонтакте», Telegram, Twitter, Instagram, Одноклассники и Facebook), которые публикуют анонимные истории, присылаемые пользователями. Отправить свой текст можно только через сайт или приложение, при этом на сайте не требуется вводить никакой информации о себе, тогда как в приложении можно зарегистрироваться через электронную почту либо войти через аккаунт «ВКонтакте» или Facebook, но читать чужие тексты и отправлять свои можно и без авторизации. В текстах сохраняется авторская орфография и пунктуация, но они проходят модерацию, а затем публикуются с указанием темы: всего тем 56, в том числе тема «Пиздец», в которой оказываются публикации о сексуальном насилии — наряду с историями об издевательствах над животными, убийствах, побоях и т. п. Несмотря на то, что «Подслушано» присутствует на разных платформах, логичнее рассматривать его как единое онлайн-пространство, единую площадку: на всех платформах единый формат публикации историй (от имени сообщества, с указанием темы и без указания автора) и степень анонимности коммуникации автора истории с читателями (которая не зависит от степени анонимности пользователей на платформе), у публикаций на всех платформах единый источник (присланное через сайт/приложение), который не связан с платформой. Проект очень популярен — его совокупная ежемесячная аудитория составляет около десяти миллионов человек¹ — но более значимым кажется тот факт, что вслед за «Подслушано» расплодилось многочисленное количество аналогов, от крупных проектов (например, у сообщества ВКонтакте «Дома не поймут» с идентичной задумкой более трех миллионов подписчиков) или тематических (например, «Подслушано Феминизм») до собственных «Подслушано» у вузов, школ, деревень и т. д. Аудитория проекта русскоязычная, но не ограничена Россией.

#янебоюсьсказать

Флешмоб #янебоюсьсказать запустила украинская активистка Анастасия Мельниченко, опубликовав в начале июля 2016 г. пост в Facebook, где с хэштегом #янебоюсьсказать рассказала о пережитом сексуальном насилии и призвала женщин поделиться своими историями и изменить отношение общества к жертвам насилия. Акция получила отклик не только в украинском, но и в российском и белорусском сегментах Facebook, в которых появились свои хэштеги — #янебоюсьсказать и #янебаюсясказаць. Цель флешмоба состояла в том, чтобы привлечь внимание общества к проблеме сексуального насилия, сделать его видимым — и бороться с обвинением жертвы (виктимблеймингом)². Основная часть постов принадлежала женщинам [Lokot, 2018], однако были и такие посты, где мужчины рассказывали о том, как подвергались сексуальному насилию. Акция привлекла внимание тысяч пользователей Facebook, а также российских, украинских и за-

¹ «Люди слишком верят в свою уникальность»: легко ли быть редактором «Подслушано» [Электронный ресурс] // Афиша Daily. URL: <https://daily.afisha.ru/relationship/7644-lyudi-slishkom-veryat-v-svoyu-unikalnost-legko-li-byt-redaktorom-podslushano/> (дата обращения: 10.02.2018).

² Обвинение жертвы (англ. victim blaming) происходит, когда на жертву или жертв преступления, несчастного случая или любого вида насилия возлагается полная или частичная ответственность за совершенное в отношении них нарушение или произошедшее с ними несчастье. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Обвинение_жертвы (дата обращения: 10.02.2018).

рубежных СМИ³. Флешмоб #янебоюсьсказать не только создал пространство, где можно поделиться болезненным опытом, одновременно распространенным и табуированным, но и дал авторам постов взглянуть на свои личные истории как на политические и связанные с правами человека [Lokot, 2018].

Теоретические основания

Когда мы говорим об анонимности — ситуации, при которой невозможно связать одну идентичность человека с другими [Cirucci, 2015] — надо понимать, что она имеет небинарную природу: связать одну идентичность с другой можно не только через имя (а использование настоящего имени не гарантирует однозначную идентификацию) — вопрос всегда в объеме информации, по которой одну идентичность можно соотнести с другой(–ими), и если человек предоставляет какие-то биографические детали о себе, в целом, говорить об абсолютной анонимности уже не приходится [Tetzlaff, 2000]. Любая биографическая информация отсылает к другим идентичностям, но это не значит, что эта информация дает возможность однозначно идентифицировать человека — она просто уменьшает степень его анонимности. Некоторые работы (например, [Keipi, Oksanen 2014]) рассматривают анонимность как шкалу от полной анонимности через псевдонимность и визуальную анонимность (сокрытие физических характеристик индивидов) к взаимодействию лицом к лицу. Однако, как пишет Джудит Донат [Donath 1999: 53], в виртуальном пространстве возможно множество степеней идентификации: псевдоним, который не указывает на офлайновую идентичность, может иметь устойчивую репутацию в онлайн-пространстве, а сообщение, отправленное безымянным или использующим псевдоним пользователем, может содержать информацию, которая позволяет с той или иной определенностью установить его личность, и т. д. Идею континуума поддерживает и Джессика Бейер, которая пыталась категоризировать сайты как анонимные/неанонимные, но «вместо этого пришла к континууму» [Beyer 2012].

Степень анонимности привязана и к псевдониму (используете ли вы свое настоящее имя или псевдоним — и какой, на какие идентичности он указывает), и к объему предоставляемой информации, и к длительности коммуникации — будет ли степень анонимности пользователя для собеседника в анонимном чате после пяти часов беседы той же, что и после пяти минут? Все эти детали создают практически бесконечное множество степеней анонимности — и их достаточно сложно четко разделить. Таким образом, у нас получается континуум — непрерывное множество степеней анонимности от полной анонимности до точной идентифицируемости.

Facebook, платформа, на которой проходил флешмоб #янебоюсьсказать, окажется на этом континууме максимально близко к коммуникации лицом к лицу: это

³ «По-настоящему страшные истории были на закрытых страничках» Монолог Анастасии Мельниченко, придумавшей флешмоб #янебоюсьсказать [Электронный ресурс] // Meduza. URL: <https://meduza.io/feature/2016/07/08/po-nastoyaschemu-strashnye-istorii-byli-na-zakrytyh-stranichkah> (дата обращения: 10.02.2018); Russian and Ukrainian women's sexual abuse stories go viral [Электронный ресурс] // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/jul/08/russian-ukrainian-women-sexual-abuse-stories-go-viral> (дата обращения: 10.02.2018); #янеБоюсьСказать. Мережею шириться флешмоб проти замовчування насильства [Электронный ресурс] // Українська правда. URL: <http://life.pravda.com.ua/society/2016/07/5/214776/> (дата обращения: 10.02.2018).

место для онлайн-общения с теми, кого мы знаем офлайн [Ellison et al., 2007], поэтому онлайн-идентичность напрямую связывается с офлайн-идентичностью. В чем-то Facebook может быть даже более «нонимен», чем офлайн-коммуникация, поскольку здесь вероятен коллапс контекстов (context collapse) — ситуация, при которой отыгрывать идентичность приходится сразу перед несколькими аудиториями, потому что разные аудитории собираются в одном месте [Marwick, Boyd, 2011]. Коллапс контекстов можно назвать противоположностью анонимности, поскольку он делает невозможным расщепление «сцен» и аудиторий, необходимое для того чтобы одну идентичность нельзя было связать с другими. Во взаимодействиях лицом к лицу разделять аудитории помогают пространственные ограничения (какую долю ваших знакомых можно собрать в одном месте?), поэтому о коллапсе контекстов говорят в основном применительно к интернету: у преподавателя в друзьях на Facebook могут быть и его/ее приятели, и студенты, у которых он(а) ведет занятия, и родственники. Эти аудитории могут совершенно по-разному отреагировать на один и тот же опубликованный контент — и пользователю приходится учитывать их все. Необходимо отметить, что любая платформа, и Facebook не исключение, не может задать пользователю одно-единственное положение на континууме анонимности — например, на Facebook можно завести фейковый аккаунт, который будет псевдонимным и даст большую степень анонимности по сравнению с использованием настоящего имени; на менее анонимных платформах степень анонимности пользователя может зависеть как от его никнейма (если таковые там есть — например, можно сделать его менее анонимным, используя имя или год рождения и т. п.) и предоставленной информации о себе, так и от содержания публикуемых постов. В связи с этим мы скорее можем сказать, что платформа задает для пользователя некоторый диапазон на континууме анонимности.

Несмотря на то, что коммуникация автора текста в «Подслушано» с читателями представляет собой то, что на реляционно-функциональной шкале анонимности [Keipi, Oksanen, 2014] считается полной анонимностью — текстовую коммуникацию без использования псевдонимов — авторов историй в «Подслушано» нельзя считать анонимными абсолютно. Кроме того факта, что они могут быть менее анонимными для администратора сообщества по сравнению с читателями, всегда остается возможность, что кто-то узнает в этой истории своего друга или соседа. Тем не менее «Подслушано» на континууме анонимности расположено довольно близко к полной анонимности — и, возможно, является одной из наиболее анонимных онлайн-площадок.

Отсутствие технической анонимности — удаления всей информации, по которой человека можно идентифицировать, при обмене данными — не мешает чувствовать себя анонимным, если пользователю кажется, что невозможно связать эту информацию с ним [Christopherson, 2007]. Быть анонимным и чувствовать себя анонимным — это не одно и то же, и именно второе должно определять поведение человека в анонимных онлайн-пространствах, если вспомнить теорему Томаса: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям»⁴.

⁴ Цит. по: [Хаустов, 2012].

Каковы же эти последствия? Результаты исследований хорошо описываются высказыванием Дж. Сулера, который отмечает, что в условиях анонимности люди могут «говорить или делать то, что не сказали или не сделали бы открыто» [Suler, 2004: 321]. С одной стороны, в более анонимном онлайн-пространстве люди раскрывают больше информации о себе, становятся более открытыми [Joinson, 2001; Shaw, Gant, 2002; Keipi, Oksanen 2014], с другой — более склонными к антисоциальному, неподобающему поведению, в том числе агрессии [Siegel et al., 1986; Lapidot-Lefler, Barak, 2012]. Онлайн-коммуникация, имеющая меньшую степень анонимности по сравнению с взаимодействием лицом к лицу, в сравнении с последней демонстрирует более высокий уровень агрессии в целом [Sood, Churchill, Antin, 2012], в том числе там, где имена указываются [Rainie, Lenhart, Smith, 2012]. В контексте нормативности это позволяет предположить, что анонимность расширяет границы нормального: позволяет поделиться тем, что недостаточно вписывается в нормативность менее анонимных площадок и потому иначе осталось бы скрытым (а здесь вписывается и может быть опубликовано), а также увеличивает допустимый уровень социально неодобряемого поведения (например, агрессии).

Расщепление аудиторий, сопутствующее анонимности, дает возможность отыгрывать разные идентичности без того, чтобы одна мешала другой. Индивид представляет собой множество идентичностей, черт, которые не обязательно связаны друг с другом [Wallace, 1999] или могут сосуществовать на одной «сцене». Берни Хоган [Hogan, 2013] приводит пример такой ситуации: редактор «Википедии» хочет вести идеологически окрашенный блог, но если она будет использовать везде свое настоящее имя, ее могут по нему отследить и сделать вывод, что она не может быть нейтральным редактором, следующим правилам «Википедии». Поэтому, чтобы быть и тем, и другим, ей нужен псевдоним, который создаст в интернете для нее еще одну «сцену» (даже если аудитории вдруг будут совпадать). Другим примером того, как анонимность позволяет отыграть идентичности, которые иначе остались бы скрытыми [Shaw, Gant, 2002; Keipi, Oksanen, Räsänen, 2015], является сабреддит⁵ r/Gonewild, где пользователи (в основном женщины) публикуют свои полу- и обнаженные фотографии в сопровождении какой-либо информации, обычно без изображения лиц [van der Nagel, 2015]. Большая степень анонимности, которую дает использование псевдонима, позволяет раскрываться идентичности, которой нет места в «интернете настоящих имен» — и эта роль на такой платформе является нормой, тогда как за ее пределами она может стигматизироваться и подвергаться негативным социальным санкциям. Таким образом, на каждой онлайн-площадке есть разный набор идентичностей, которые могут на них отыгрываться, в зависимости от понимания «нормального» на этих площадках: выкладывать обнаженные фото можно только там, где это считается нормой и не будет осуждаться (или вообще модерироваться и удаляться как непристойное), и мы можем предположить, что более анонимные онлайн-площадки (или более анонимные способы пользования онлайн-площадкой) могут служить для отыгрывания идентичностей, которые не вписываются в нормативность менее анонимных онлайн-площадок и могут повредить идентичностям, которые на них отыгрываются (опять же в силу своей «ненормальности» на этой площадке).

⁵ Раздел Reddit. URL: <https://www.reddit.com> (дата обращения: 10.02.2018).

Accounts

Accounts — термин, который используется для объяснения актором своего или чужого непредвиденного или неподобающего поведения в ситуации, когда действие подвергается оцениванию, вне зависимости от того, чье это поведение (актера или других людей), и того, от кого исходит возможная причина для этого объяснения — от самого актора или кого-то другого. Accounts помогают нормализовать ситуацию, сократить дистанцию между тем, что произошло и тем, что вписывается в стандарт — в том числе для самого человека: например, accounts позволяли большинству из опрошенных заключенных за сексуальные преступления считать себя или бывшими насильниками, или ненасильниками вовсе [Scully, Marolla, 1984], а жертвы насилия, использовавшие объяснения-свидетельства в развернутых ответах на National Crime Victimization Survey (NCVS), реже обращались в полицию, чем те жертвы, в чьих ответах не было выделено accounts [Weiss, 2009: 820].

Accounts делятся на обоснования (justification) — когда актер берет на себя ответственность за ситуацию и считает свое поведение правильным, и оправдания (excuse) — в случае, когда актер признает, что ситуация неподобающая, но ответственность за нее перекладывается на кого-то другого или что-то другое [Austin, 1961]. Оправдания, согласно классификации Скотта и Лимана [Scott, Lyman 1968], разделяются на подкатегории в зависимости от того, на кого или что перекладывается ответственность: стечение обстоятельств (accident), отсутствие необходимого знания или несвобода воли индивида (defeasibility), апелляция к природе, натуре как детерминанте поведения (biological drives) или поиск козла отпущения (scapegoating).

В отношении accounts гипотеза состояла в том, что авторы публикаций в рамках флешмоба #янебоюсьсказать будут скорее использовать accounts, нежели авторы, рассказывающие свои истории в «Подслушано», поскольку на менее анонимной онлайн-площадке расстояние между тем, что воспринимается как норма, и тем, что произошло с автором (сексуальным насилием), больше. В связи с этим предполагалось, что в этом случае человеку нужнее accounts как нормализующие высказывания, которые позволили бы восстановить статус-кво и презентовать более приемлемую версию себя (ситуации) для аудитории, особенно учитывая, что отыгрывание идентичности жертвы сексуального насилия в Facebook — это перформанс в условиях коллапса контекстов: пост, опубликованный на личной странице человека, будут оценивать его друзья, знакомые, коллеги. На менее анонимной онлайн-площадке репутационные эффекты выше [Keipi, Oksanen, 2014], что позволяет предположить, что в этом случае человеку нужнее accounts как нормализующее высказывание, которое позволило бы эти репутационные эффекты снизить.

Методология

Из группы «Подслушано» в соцсети «ВКонтакте» по хэштегу #Подслушано_пиздец были отобраны публикации о сексуальном насилии⁶: отбирались публика-

⁶ Сексуальное насилие — любой сексуальный акт или попытка его совершить; любые действия против сексуальности человека с использованием принуждения, совершаемые любым человеком независимо от его взаимоотношений с жертвой, в любом месте [Насилие и его влияние.... 2003: 155].

ции с указанием на изнасилование или попытку изнасилования, принуждение к сексуальным действиям, домогательства, нарушающую границы мастурбацию, нежелательные прикосновения сексуального характера. Публикации, где автор выступал в роли насильника/агрессора, не включались.

В Facebook по хэштегам #янебоюсьсказать, #янебоюсьсказати, #янебоюсьсказаць были выбраны публикации в открытом доступе, на русском языке и опубликованные на персональных страницах. Публикации, в которых были указания на то, что страница создана специально для того, чтобы написать туда историю для флешмоба, были отсеяны. Использование всех трех хэштегов продиктовано тем, что флешмоб — явление не исключительно российское, что показалось важным отразить в выборке (несмотря на то, что берутся только русскоязычные публикации в силу того, что автор этого текста не владеет украинским или белорусским языком — в Украине и Беларуси немало русскоязычных жителей). Однако мы не можем однозначно идентифицировать страновую принадлежность автора по языку хэштега — во многих публикациях использовался не один вариант, а сразу два или даже все три: в 21 из проанализированных публикациях используется русский вариант, в семи — украинский, в шести — сразу оба, в двух — белорусский, еще в одной — русский и белорусский, а в 14 — все три хэштега.

Из Facebook для анализа была взята 51 публикация, из «Подслушано» — 50. В этих публикациях на основе классификации Скотта и Лимана [Scott, Lyman, 1968] были выделены accounts и определен их тип — обоснование или оправдание.

Этика

Используемые в этом тексте цитаты из постов в рамках флешмоба #янебоюсьсказать отбирались и анонимизировались, исходя из теоретического определения анонимности как возможности связать разные идентичности. В используемых цитатах однозначно проследить можно только гендер автора и, в некоторых, наличие опыта отношений с противоположным полом — признаки, под которые попадает множество женщин и по которым практически невозможно отследить человека, — и не содержат общего сюжета их историй.

Поскольку истории из «Подслушано» публикуются на страницах сообщества в социальных сетях (а также на сайте и в приложении) от имени «Подслушано», а потому не могут быть связаны с конкретным человеком, они используются свободно.

Данные

Accounts были выделены в 25 из 50 анонимных публикаций в «Подслушано», из них в 17 публикациях они относились к оправданиям, а в восьми — к обоснованиям. В публикациях из Facebook accounts были выделены в 12 из 51 текстов: 10 оправданий и 2 обоснования.

Оправдания преобладали в обоих случаях, а встретившиеся в выборке реже обоснования объясняли, почему авторы не сопротивлялись или не предприняли ничего для того, чтобы агрессор ответил за свои действия (не обратились в полицию, не рассказали родителям, если эпизод с насилием случился в детстве). Был и другой вариант присутствия обоснований: в публикациях, где вся история

о сексуальном насилии выступала в качестве accounts для какого-то действия или чувства — в таких публикациях ситуация сексуального насилия была не тем, что требуется объяснить и нормализовать, а самим объяснением:

«...Да, говорю я, у меня просто проблемы с базовым доверием к миру, а многие женщины живут и не боятся ничего такого. Хорошо, вот немного историй из того времени, когда с доверием к миру у меня было все отлично...»

<История о насилии>

...Но я это пишу не для того, чтобы устыдить хороших парней или чтобы вызвать у них невротическое чувство вины. Впрочем, чувство вины это еще не самая плохая реакция, гораздо лучше, чем эта хрень про доверие к миру. Доверие, блять, к миру. Просто, может быть, мы живем в каких-то разных мирах, ребята? Найдите уже в себе смелость признать это, в то время, как мы находим ее на вот такие вот посты.»

Автор поста обосновывает свою позицию — отсутствие «доверия к миру», в котором упрекнул ее знакомый мужчина, — рассказывая о нескольких случаях сексуального насилия в ее жизни. Неподобающее поведение, которое необходимо объяснить, — это отсутствие «доверия к миру», повод для объяснения (и написания поста) исходит от этого знакомого, и автор, воспринимающая свое поведение как правильное, доказывает это через историю о сексуальном насилии. Таким образом, мы видим, что что-то ненормальное, неприемлемое может на самом деле служить для нормализации другой ситуации, даже если она кажется более социально приемлемой, чем история о насилии.

Среди оправданий в одной публикации случившееся объяснялось стечением обстоятельств (accident по Скотту и Лиману), в постах о детском опыте были выделены accounts, апеллирующие к отсутствию необходимого знания, которое предотвратило бы произошедшее (defeasibility) — уже взрослый человек понимает, что эта ситуация ненормальна, и оправдывает себя прошлого, возлагая ответственность на свою неинформированность в силу возраста:

«...Я малышка совсем была, не понимала, что да как...»

Кроме детского опыта объяснения-свидетельства того же типа встретились в публикациях о насилии со стороны врача:

«...И вот, в один момент, посреди сеанса, он начал меня целовать в губы. В засос. Я даже не сжимала свои в ответ! Думала, что это часть процесса такая...»

Один тип объяснений-свидетельств встретился лишь на одной из площадок — #янебоюсьсказать: это объяснение случившегося через сексуальную привлекательность жертвы для агрессора (схватили — потому что было за что, biological drives по Скотту и Лиману), причем авторы постов о подростковом опыте апеллируют к половому созреванию (схватили — потому что уже было за что):

«...Мне 13, я отдыхаю в лагере, у нас эпидемия свинки и каждый день нас осматривает лагерный врач, он хватает меня за грудь (уже к тому времени было за что)...»

Ответственными за произошедшую ситуацию в таком случае считаются тело, внешность автора. По сути, оправданием становится то, что перекладывает ответственность, вину за произошедшее на кого-то/что-то кроме насильника — внешность жертвы, отсутствие у нее знания, которое предотвратило бы эту ситуацию, или стечение обстоятельств.

Анализ

Кроме различий в организации текста — посты в рамках флешмоба длиннее, подробнее, часто рассказывают сразу о нескольких случаях сексуального насилия, содержат высказывания в поддержку других жертв и призывы бороться с насилием — первым бросается в глаза тот факт, что истории, которые публикуют на Facebook в рамках флешмоба #янебоюсьсказать, гораздо более социально приемлемы. В отличие от «Подслушано», где большинство историй содержат изнасилования, в постах в рамках флешмоба #янебоюсьсказать чаще речь идет о том, что обычно называют харассментом⁷; в выборке из Facebook не встретилось историй об инцесте и было значительно меньше историй о детском опыте — тогда как среди проанализированных публикаций из «Подслушано» они довольно распространены: в 20 публикациях из 50 автор пишет, что на момент происшествия был ребенком (до 13 лет), в 11 историй из 50 рассказывается об инцесте. Также в этой выборке в публикациях из «Подслушано» были истории, где сексуальное насилие сопровождалось побоями, похищениями или другими противозаконными действиями — в отличие от выборки из постов #янебоюсьсказать. Большая социальная приемлемость постов в рамках флешмоба #янебоюсьсказать касается не только описываемых эпизодов сексуального насилия, но и тех ситуаций, для которых в качестве accounts (justification) выступает история о сексуальном насилии — в «Подслушано» они более девиантные и даже противозаконные:

«В 13 лет меня изнасиловал собственный отец, я боялась сказать об этом маме, потому что он меня очень сильно запугал. Все это время жила с мыслью, что это произойдет снова и очень боялась. Сейчас мне 36, отсидела срок за убийство отца».

«В 13 лет меня изнасиловали, но я никому не сказала. А через пару лет он повесился. Я узнала где его похоронили, пошла и насрала на его могилу, а потом размазала часть говна по портрету».

То, что на более анонимной онлайн-площадке («Подслушано») распространены более «ненормальные» истории, которых практически нет среди проанализированных постов с менее анонимной платформы Facebook, а самых, наверное, табуированных — об инцесте — в выборке с менее анонимной онлайн-площадки нет совсем (в то время как из проанализированных публикаций в «Подслушано» они составляют около одной пятой), позволяет предположить, что такие истории о сексуальном насилии могут быть слишком неприемлемы для флешмоба #янебоюсьсказать и степени анонимности онлайн-площадки, на которой он проходил. Возможно, здесь играет роль и коллапс контекстов, который особенно должен мешать, если агрессором был знакомый человек (или даже родственник): ведь в друзьях может быть если не сам агрессор, то общие знакомые или общая родня. Например, очень сложно представить такую историю опубликованной на странице в социальной сети:

«Замужем 6 лет, секс ежедневный и не по разу. Счастливица скажете вы? Не все так просто. Впервые муж вечно покупает мне сладости. Растолстела, но худеть он мне не дает. Трахает меня только раком, минет, анал всегда раком. А главное в эти моменты на мне всегда маска поросенка, на руках, ногах самодельные копытца из поролона,

⁷ Нежеланные сексуальные предложения или намеки obscenного характера, обычно в адрес женщины.

хвостик на резинке. Я должна громко хрюкать, визжать, чавкая есть из миски на полу пока он меня @бет. Началось как приколы, незаметно стало адом. Уйти страшно, терпеть нет сил».

Важно не только то, что в выборке из Facebook нет настолько социально неприемлемых публикаций, как в «Подслушано», но и то, что в выборке из «Подслушано» практически нет наиболее «нормальных» историй — о харассменте и не в детском возрасте, которые составляют большую часть проанализированных постов в рамках флешмоба #янебоюсьсказать. Такие истории и отношение к ним отлично описываются одной из участниц флешмоба:

«Я всегда считала, что мне повезло, что я никогда всерьез не страдала от насилия и домогательств. Так, мелочи, с которыми сталкивалась каждая».

Получается, что мы наблюдаем своего рода нишевание этих онлайн-площадок с разной степенью анонимности по степени социальной приемлемости того, что на них публикуют — на более анонимной онлайн-площадке отыгрываются более далекие от нормы идентичности, на менее анонимной — более близкие к норме, социальному стандарту. Наличие более анонимной площадки позволяет раскрыться идентичности, которая иначе осталась бы скрытой, поскольку не вписывается в нормативность других, менее анонимных «сцен», а более социально приемлемые идентичности отыгрываются на менее анонимных онлайн-площадках — возможно, нет необходимости в том, чтобы скрывать это от своей обычной аудитории, а, возможно, слишком «нормальные» истории в «Подслушано» не публикуют (они могут быть не так интересны в качестве развлекательного контента). Мы можем предположить, что положение онлайн-площадки на континууме анонимности (или диапазон этих положений, которые возникают вследствие разных способов использования площадки) задает также некоторый диапазон соответствия норме, границу социальной приемлемости поведения для онлайн-площадки. Это не значит, что в «Подслушано» сексуальное насилие воспринимается как что-то нормальное: эти истории публикуются в теме «Пиздец», название которой красноречиво показывает оценку таких историй — но здесь они могут быть опубликованы, здесь идентичность, например, жертвы инцеста может быть отыграна.

Что касается объяснений-свидетельств в публикациях в рамках флешмоба #янебоюсьсказать и в «Подслушано», то меньшее количество объяснений-свидетельств в проанализированных публикациях с менее анонимной площадки может объясняться следованием групповой норме, специфичной для флешмоба #янебоюсьсказать, целью которого было сделать сексуальное насилие видимым, начать о нем разговор и бороться с обвинением жертвы. В связи с этим образ жертвы сексуального насилия а-ля #янебоюсьсказать предполагает, что жертва понимает, что случившееся не ее вина, что виноват только насильник:

«По крайней мере каждая из нас тогда поняла (я надеюсь!), что это не она спровоцировала, а дядя-доктор так развлекается».

Ни в одной из публикаций не было фразы «я сама виновата» или указания на то, что жертве на самом деле хотелось этого и понравилось — составляющих того, что феминистские исследователи называют «мифами об изнасиловании» (rape myths) [Lonsway, Fitzgerald, 1994], — и было бы странно увидеть такую публикацию под этим хэштегом, поскольку в большинстве публикаций обозначается,

что это вина насильника, и/или что насилие — системная проблема общества, в которой жертвы не виноваты и заслуживают только поддержки и сочувствия. В некоторых постах указывается, что описываемая ситуация раньше не казалась насилием — например, невозможность отказать в сексе партнеру (то, что насилие со стороны партнера не является насилием, — тоже один из «мифов об изнасиловании»), но теперь автор знает, что это насилие, и воспринимает этот опыт именно как ситуацию насилия:

«Помню, мой первый молодой человек, как я осознала только сейчас, читая чужой пост, совершал надо мной (возможно, больше психологическое) насилие. Он появился очень рано, я еще была не готова, но он постепенно и успешно склонял, вынуждал меня к интимным занятиям, оральному сексу, затем и к традиционному. Конечно, ни он, ни я, не считали тогда, что это насилие: ему просто хотелось большего, и он, вроде как, имел на это право, он же мой молодой человек; а я, со своей стороны, не знала, что делать, и вроде не отказывалась, не кричала, сама соглашалась».

На этом примере мы видим, как в рамках флешмоба производится социализация, принятие нормы, существующей в пространстве флешмоба. Читая чужие рассказы о сексуальном насилии, авторы принимают и интернализуют эту норму. Поэтому вряд ли можно представить себе пост об опыте сексуального насилия, полностью противоречащий фрейму сексуального насилия, который создает флешмоб, под этим хэштегом. А вот среди проанализированных публикаций в «Подслушано» такие истории есть:

«Вчера в клубе меня силой взял какой-то парень. Не предохранялся (слава Богу я пью противозачаточные из-за проблем «по женской части»). Ну а я сильно и не сопротивлялась... секса давно не было».

Использование accounts тоже входит в «традиционное» восприятие насилия в рамках «мифов об изнасиловании»: accounts переносят ответственность на кого-то/что-то кроме агрессора (стечение обстоятельств, сексуальную привлекательность жертвы или ее недостаточную информированность); accounts нормализуют насилие, оправдывают насильника и/или обвиняют жертву [Weiss, 2009: 820]. Это восприятие насилия противоречит идее флешмоба #янебоюсьсказать, который призван бороться с замалчиванием насилия и обвинением жертвы, и использование accounts не вписывается в групповую норму, которая существует внутри пространства флешмоба, норму, которую флешмоб, носящий активистский характер, создает в противовес «внешней» норме восприятия сексуального насилия, содержащей «мифы об изнасиловании» и располагающей к использованию accounts. Именно эта норма представлена в «Подслушано» — на онлайн-площадке, настолько большой (в одной группе «ВКонтакте» 3 миллиона 823 тысячи подписчиков) и разнородной, не объединенной одной идеей, что ее аудитория становится некоторым «обществом в миниатюре», и нормативность, которая там устанавливается, в некоторой степени соответствует нормам общества в целом. Поэтому меньшее присутствие accounts в выборке из Facebook и большее — в «Подслушано» можно рассматривать как результат следования групповым нормам этих онлайн-площадок. Однако и в постах в рамках флешмоба #янебоюсьсказать accounts встречаются, и в этом можно рассмотреть проникновение «внешней» нормы, доминирующего дискурса в пространство флешмоба,

незавершенную социализацию автора в рамках флешмоба. Следы этого проникновения можно увидеть и в том, что авторы многих публикаций на Facebook в самом начале текста писали, что это именно харассмент, а не изнасилование: «*Меня никогда не насиловали физически*», либо что с ними такого мало случилось: «*В моей жизни было четыре случая, всего четыре*», — старались показать, что их опыт не выходит за рамки приемлемого или распространенного.

В целом то, что для участников флешмоба, публикующих посты на персональных страницах, есть какой-то порог нормы, который в постах не переступается (проявляющийся, например, в том, что в выборке нет историй об инцесте, практически нет историй об изнасилованиях или детском опыте), тоже может быть индикатором этого проникновения: если сексуальное насилие — системная проблема общества, в котором не виновата жертва, то, что могло случиться с каждой(ым), то и история о неприятных прикосновениях в общественном транспорте, и история об изнасиловании — сходные явления, и одно не должно быть «нормальнее» другого. Тем не менее граница социальной приемлемости, о которой говорилось выше, дает нам возможность думать о стигматизации жертв сексуального насилия и о том, что изнасилование менее социально приемлемо (а инцест приемлем еще в меньшей степени) — то есть что «внешняя» норма, табуирующая разговор о сексуальном насилии, здесь проявляется, отсекая часть опытов и историй. Возможно, если бы этот флешмоб проходил на площадке с большей степенью анонимности (или если рассмотреть истории, опубликованные при большей степени анонимности — под фейковыми аккаунтами), то мы увидели бы больше таких социально неприемлемых историй и меньше accounts, потому что групповая норма флешмоба не предполагает использование accounts (наоборот — проникновение конкурирующей нормы, доминирующего дискурса), а соответствие групповой норме в анонимной среде выше [Postmes, Spears 1998; Postmes et al., 2001], даже если эта норма предполагает поведение, которое в другом контексте расценивается как девиантное (например, агрессия [Rösner, Krämer, 2016]). Публикуя пост на онлайн-площадке с любой степенью анонимности, человек подчиняется групповой норме, существующей на этой площадке (либо подвергается санкциям) — но положение онлайн-площадки на континууме анонимности (или диапазон возможной степени анонимности для пользователя на этой площадке) может задавать определенную степень соответствия этой норме в поведении пользователей.

Выводы

Положение онлайн-площадки на континууме анонимности может в некоторой степени определять нормативность этой площадки. Это позволяет сделать два основных вывода данной работы.

Во-первых, принятая на конкретной площадке степень анонимности задает диапазон социальной приемлемости контента, который на ней можно публиковать. Например, истории об изнасилованиях еще вписываются в нормативный диапазон флешмоба #янебоюсьсказать, а вот истории об инцесте — уже нет, их место на более анонимной площадке (где они довольно распространены). В то же время более «нормальные» истории, похожие на те, что мы видим в рамках флешмоба, практически отсутствуют на площадке с более высокой степенью анонимности —

получается, что у них разные диапазоны нормативности. Причем то, что более социально неприемлемый контент публикуется на более анонимной онлайн-площадке, не означает, что его содержание считается там нормальным: скорее можно сказать, что у площадки с довольно высокой степенью анонимности, коей является «Подслушано», относительно высокий уровень толерантности в отношении несоответствия социальному стандарту (в который сексуальное насилие, и, тем более, насилие в детстве или инцест не вписываются). То есть это достаточно близко к норме, чтобы это опубликовать, но слишком далеко от нее, чтобы это публиковалось не в теме «Пиздец». Таким образом, эта граница социальной приемлемости для контента, задаваемая степенью анонимности онлайн-площадки, производит своего рода распределение идентичностей по «сценам», исходя из того, насколько они социально приемлемы. Для того чтобы определенную идентичность можно было отыграть в интернете, необходимо наличие «сцены», площадки, в чью нормативность эта идентичность будет вписываться. Многообразие степеней анонимности среди онлайн-площадок позволяет жить в интернете идентичностям разной степени социальной приемлемости.

Во-вторых, степень анонимности онлайн-площадки может быть связана с тем, насколько соблюдаются групповые нормы, существующие на этой площадке. Флешмоб #янебоюсьсказать задал (внутри своего онлайн-пространства, «огороженного» хэштегом, и на отрезке времени, в течение которого флешмоб проходил) определенную нормативность, противоположную «внешней» норме восприятия сексуального насилия. Пытаясь бросить вызов внешней норме, он неминуемо остается в ее контексте, соотносится с ней и имеет ее в виду. В том числе это связано с тем, что аудитория социального представления в рамках флешмоба #янебоюсьсказать (в первую очередь друзья и подписчики автора в Facebook) разнородна (коллапс контекстов) и, скорее всего, следует «внешней» по отношению к флешмобу норме — и именно на нее флешмоб и рассчитан. Но степень анонимности низка, а репутационные эффекты высоки — поэтому слишком неприемлемые для этой «внешней» аудитории идентичности остаются скрытыми, а accounts, которые вроде бы противоречат групповой норме флешмоба, все-таки проникают в посты #янебоюсьсказать, нормализуя эти истории для аудитории.

Список литературы (References)

Хаустов Д. С. Теорема Томаса и особенности конструирования социальной реальности через массовые коммуникации // Социологические исследования. 2012. № 7. С. 29—36.

Khaustov D. S. (2012) Thomas theorem and features of construction of social reality through mass communications. Sociological Studies (Socis). No. 7. P. 29—36. (In Russ.)

Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире / под ред. Этьенна Г. Круга и др./ пер. с англ. М. : Издательство «Весь Мир», 2003.

World report on violence and health (2003). Ed. by Etienne G. et al. M. Ves Mir Publishers. (in Russ.)

Austin J. L. (1961) *Philosophical papers*. Oxford. Oxford University Press.

Bicchieri C. (2016) *Norms in the wild: How to diagnose, measure, and change social norms*. Oxford. Oxford University Press.

Bicchieri C. (2005) *The grammar of society: The nature and dynamics of social norms*. Cambridge. Cambridge University Press.

Cirucci A. M. (2015) Redefining privacy and anonymity through social networking affordances. *First Monday*. Vol. 20. No. 7. URL: <http://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/5465/4672> (accessed: 18.12.2017).

Christopherson K. M. (2007) The positive and negative implications of anonymity in Internet social interactions: «On the Internet, Nobody Knows You're a Dog». *Computers in Human Behavior*. Vol. 23. — No. 6. P. 3038—3056. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2006.09.001>.

Donath J. S. (1999) Identity and deception in the virtual community. In: M. A. Smith, P. Kollock (eds.) *Communities in cyberspace*. London & New York. Routledge. P. 29—59.

Ellison N. B. et al. (2007) Social network sites: Definition, history, and scholarship. *Journal of Computer-Mediated Communication*. Vol. 13. No. 1. P. 210—230. <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2007.00393.x>.

Goffman E. (1959) *The presentation of self in everyday life*. New York. Anchor Books.

Hogan, B. (2013) Pseudonyms and the Rise of the Real-Name Web. In: Hartley J. et al. *A Companion to New Media Dynamics*. Chichester, UK. Blackwell Publishing Ltd. P. 290—308.

Joinson A. N. (2001) Self-disclosure in computer-mediated communication: The role of self-awareness and visual anonymity. *European journal of social psychology*. Vol. 31. No. 2. P. 177—192. <https://doi.org/10.1002/ejsp.36>.

Keipi T., Oksanen A. (2014) Self-exploration, anonymity and risks in the online setting: Analysis of narratives by 14—18-year olds. *Journal of Youth Studies*. Vol. 17. No. 8. P. 1097—1113. <https://doi.org/10.1080/13676261.2014.881988>.

Keipi T., Oksanen A., Räsänen P. (2015) Who prefers anonymous self-expression online? A survey-based study of Finns aged 15—30 years. *Information, Communication & Society*. Vol. 18. No. 6. P. 717—732. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2014.991342>.

Lapidot-Lefler N., Barak A. (2012) Effects of anonymity, invisibility, and lack of eye-contact on toxic online disinhibition. *Computers in human behavior*. Vol. 28. No. 2. P. 434—443. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2011.10.014>.

Lokot T. (2018) # IAmNotAfraidToSayIt: stories of sexual violence as everyday political speech on Facebook. *Information, Communication & Society*. P. 1—16. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2018.1430161>.

Lonsway K. A., Fitzgerald L. F. (1994) Rape myths. In review. *Psychology of women quarterly*. Vol. 18. No. 2. P. 133—164. <https://doi.org/10.1111/j.1471-6402.1994.tb00448.x>.

Marwick A. E., Boyd D. (2011) I tweet honestly, I tweet passionately: Twitter users, context collapse, and the imagined audience. *New media & society*. Vol. 13. No. 1. P. 114—133. <https://doi.org/10.1177/1461444810365313>.

Postmes T., Spears R. (1998) Deindividuation and antinormative behavior: A meta-analysis. *Psychological bulletin*. Vol. 123. No. 3. P. 238. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.123.3.238>.

Postmes T. et al. (2001) Social influence in computer-mediated communication: The effects of anonymity on group behavior. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 27. No. 10. P. 1243—1254. <https://doi.org/10.1177/01461672012710001>.

Rainie L., Lenhart A., Smith A. (2012) The tone of life on social networking sites. Washington. Pew Research Center's Internet & American Life Project.

Rösner L., Krämer N. C. (2016) Verbal venting in the social web: Effects of anonymity and group norms on aggressive language use in online comments. *Social Media+ Society*. Vol. 2. No. 3. P. 1—13. <https://doi.org/10.1177/2056305116664220>.

Scott M. B., Lyman S. M. (1968) Accounts. *American Sociological Review*. Vol. 33. No. 1. P. 46—62. <https://doi.org/10.2307/2092239>.

Scully D., Marolla J. (1984) Convicted rapists' vocabulary of motive: Excuses and justifications. *Social problems*. Vol. 31. No. 5. P. 530—544.

Shaw L. H., Gant L. M. (2002) In defense of the Internet: The relationship between Internet communication and depression, loneliness, self-esteem, and perceived social support. *Cyberpsychology & behavior*. Vol. 5. No. 2. P. 157—171. <http://dx.doi.org/10.1089/109493102753770552>.

Siegel J. et al. (1986) Group processes in computer-mediated communication. *Organizational behavior and human decision processes*. Vol. 37. No. 2. P. 157—187. [https://doi.org/10.1016/0749-5978\(86\)90050-6](https://doi.org/10.1016/0749-5978(86)90050-6).

Sood S. O., Churchill E. F., Antin J. (2012) Automatic identification of personal insults on social news sites. *Journal of the Association for Information Science and Technology*. Vol. 63. No. 2. P. 270—285. <https://doi.org/10.1002/asi.21690>.

Suler J. (2004) The online disinhibition effect. *Cyberpsychology & behavior*. Vol. 7. No. 3. P. 321—326. <https://doi.org/10.1089/1094931041291295>.

Tetzlaff D. (2000) Yo-ho-ho and a server of warez: Internet software piracy and the new global information economy. In: A. Herman & T. Swiss (eds.) *The World Wide Web and Contemporary Cultural Theory*. New York. Routledge. P. 99—126.

van der Nagel E., Frith J. (2015) Anonymity, pseudonymity, and the agency of online identity: Examining the social practices of r/Gonewild. *First Monday*. Vol. 20. No. 3. P. 1—10. <http://dx.doi.org/10.5210/fm.v20i3.5615>.

Wallace K. A. (1999) Anonymity. *Ethics and Information technology*. Vol. 1. No. 1. P. 21—31. <https://doi.org/10.1023/A:1010066509278>.

Weiss K. G. (2009) «Boys will be boys» and other gendered accounts: An exploration of victims' excuses and justifications for unwanted sexual contact and coercion. *Violence Against Women*. Vol. 15. No. 7. P. 810—834. <https://doi.org/10.1177/1077801209333611>.